

- помочь студенту адекватно оценить и проявить себя;
- понять как он взаимодействует с взрослыми;
- выстроить свою личную позицию.

Социализация в период обучения в вузе играет важнейшую роль в развитии каждой личности. Она может проходить как естественно и легко, так и сложно и проблематично. Поэтому очень важно уделять этому процессу достойное внимание, со стороны преподавателей. Отсутствие поддержки нередко приводит к личностным проблемам, которые усугубляются психологическими особенностями юношеского возраста.

Список литературы

1. Голиков Н.А. Социология и педагогика дополнительного образования [Текст]: учебно-методическое пособие / Н. А. Голиков образование «Тюменский гос. нефтегаз Тюмень: ТюмГНГУ, 2012
2. Федоряк, Л.М. Качество жизни субъектов образования и педагогическое мастерство: акмеологический подход : монография / Л. М. Федоряк ; Российская акад. образования, Гос. науч. учреждение «Ин-т образования взрослых Российской акад. образования» Тюмень: Печатник, 2008

УДК 316.75-053.2 (09)

Потепалов Д.В.
ФГАОУ ВПО РГППУ,
г. Екатеринбург

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕТСТВА В КНИГЕ Ф.АРЬЕСА «РЕБЕНОК И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ПРИ СТАРОМ ПОРЯДКЕ»

Аннотация: в материале представлена точка зрения выдающегося французского историка, представителя школы «Анналов», Филиппа Арьеса на проблему культурного социогенеза детства в средневековой Европе.

Ключевые слова: детство, детоубийство, семья.

Западная Европа располагает значительным количеством архивных и других материалов по истории своих стран и народов. Источниковая база включает в себя законодательные акты и деловые документы, письма, мемуары, эпитафии, художественную литературу, живопись, графику, скульптуру, детскую одежду и обувь, игрушки и др. На основе нее западноевропейскими исследователями были написаны работы не только обобщающие историю детства, но и по многим узкоспециальным вопросам: история семьи и семейной жизни, детские игры и игрушки, история детского костюма, история школьного образования и др.

Настоящей сенсацией для историков, педагогов, демографов, социологов, психологов стала вышедшая в 1960 г. книга выдающегося французского историка, представителя школы «Анналов», Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» [2]. На основе анализа широкого круга источников, автор пришел к выводу, что до XVI в. в обществе отсутствовало понятие о ценности жизни ребенка. В Средние века детство еще не было признано особым качественным состоянием человека. Его считали не более чем кратким переходным этапом. Детей не воспринимали как полноценные человеческие существа и ими не дорожили. Детская смертность была столь высока, что не вызывала не только больших переживаний, но даже эмоций. Медиевисты отмечают, что во всех мемуарах и письмах этой эпохи крайне редко встречаются упоминания о смерти детей. Высокая смертность покрывалась еще более высокой рождаемостью. Никто не думал, что ребенок уже включает в себе человеческую личность. В одном из стихотворений XIII в. говорится:

... ребенок, не достигший шестилетнего возраста,

Мало чего стоит, потому что мало что умеет и знает.

Еще одним, не красящим людей Средневековья, явлением было, терпи мое вплоть до конца XVII в., отношение к детоубийству. Речь не идет о разрешенной практике, как в Древней Греции и Риме. Детоубийство было преступлением, которое сурово каралось. Однако к нему прибегали тайно, маскируя под несчастный случай, — дети умирали от нечаянного удушения в постели родителей, с которыми они спали. Ничего не делалось ни для того, чтобы убить их, ни для того, чтобы спасти. Сохранились документы, в которых епископы, с наводящей на подозрения яростью, запрещают

укладывать детей на ночь в постели с родителями, где слишком часто случается, что ребенок гибнет задохнувшись. Никто не признавался в том, что помогает природе умертвить создание, в столь малой степени обладающее самостоятельным существованием, но никто и не рассматривал это как позор. Эти случаи относились к числу этически нейтральных вещей, осуждаемых церковной и государственной моралью, но практикуемых тайно, полуосознанно, на грани между умыслом, беспечностью и неосторожностью.

По мнению Ф. Арьеса, продолжительность детства была сведена к его самому хрупкому периоду, когда маленький человек еще не мог обходиться без посторонней помощи. Этот период жизни ребенка исследователь назвал периодом «сюсюканья». Ребенок был маленькой забавной вещицей. С ним забавлялись, как с животным, как с маленькой бесстыдной обезьянкой. Рассматривая данный вопрос с точки зрения культурного социогенеза, нельзя считать маленького ребенка в период Средних веков выпавшим из социальной среды, т.к. в эту среду он даже не успевал войти. Если ему удавалось выжить, то очень рано, едва окрепнув физически, ребенок смешивался со взрослыми, разделяя с ними работу и игры. Из маленького дитя он сразу же становился молодым взрослым, минуя различные этапы юности, существовавшие, вероятно, до Средних веков [7, с. 53].

По мнению Ф. Арьеса, в Средние века семья, не осуществляла и не контролировала передачу ценностей и знаний, или, в более общем виде, социализацию ребенка. Он быстро отдалялся от родителей и можно сказать, что на протяжении веков его образование осуществлялось путем обучения «в людях», благодаря сосуществованию ребенка или юноши и взрослых. Он познавал вещи, помогая взрослым делать их. Эмоциональные контакты и социальные связи осуществлялись вне семьи, благодаря очень плотной и очень активной «среде», состоящей из соседей, друзей, господ и слуг, детей и стариков, где привязанности складывались вне строгих рамок. Супружеская семья растворялась в этой среде.

Перелом в сознании людей, как считает Ф. Арьес, начал происходить в XVI в., когда в ребенке увидели хрупкое творение Бога, которое необходимо воспитывать и оберегать. В течение XVI—XVII вв. ребенок занял в семье место, какое невозможно представить в прошлые века. Маленький человек становится необходимым элементом повседневной жизни семьи. Забота о его воспитании, устройстве, будущем переходит в разряд важнейших семейных задач. В XVIII в. этот процесс продолжался. Родители стали заботиться о физическом, моральном здоровье своих детей, их образовании и даже гигиене. С этого времени ребенок занял центральное место в семье не только с точки зрения продолжения рода, но и потому, что он просто есть [6, с. 112].

За прошедшие с момента выхода в свет книги Ф. Арьеса годы многие выводы историка были подвергнуты серьезной критике. Подвергались сомнению и оспаривались «бездушные взрослые Средневековья к часто умирающим детям», «ранняя включенность ребенка в социум», «относительная неразвитость в Средние века родительских чувств к детям» и др. Однако, как писал отечественный этнолог и историк А.Я. Гуревич, существенна была уже сама постановка Ф. Арьесом проблемы детства как исторической категории [3, с. 41]. Основные положения, сделанные исследователем были в конечном итоге приняты. Историки-демографы признали долго существовавшее безразличие по отношению к детям, все историки признали и подтвердили распространенность в X—XIII вв. намеренного детоубийства, которое было способом «избавиться от детей (к тому же еще не крещенных) в том возрасте, когда родители, особенно матери, не успели к ним привязаться. Мягкость кары — покаяние — объяснялось... массовым характером явления» [1, с. 112].

По мнению Э. Шортера детство крестьян и сельских низов в Западной Европе в XVIII—XIX вв. было прямой противоположностью детству в современных индустриальных обществах. Крестьянские матери относились к своим детям намного равнодушнее и без особой чувствительности. Об этом свидетельствует высокая детская смертность того времени, отчеты врачей и описания весьма небрежного отношения матерей к младенцам. Частые смерти младенцев и маленьких детей матери воспринимали по большей части апатично. Эмоциональная связь между родителями и детьми, как считает Э. Шортер, является «современным изобретением». Э. Бадинтер и другие авторы пришли к выводу, что материнство не является извечным и «естественным» свойством женщин, что материнская любовь, таким образом, не вытекает из их «природного инстинкта» [4, с.38-39].

Во все века люди были склонны абсолютизировать настоящее и экстраполировать свои чувства, желания, свой образ мышления и свое отношение к миру на отдаленные от нас во времени исторические эпохи. Лишь немногие способны увидеть в этом проблему, осознать изменчивость мира. Признание изменчивости жизни и общества, его ментальности требует интеллектуального усилия и воображения. Всеми этими качествами обладал Филипп Арьес, который смог увидеть, что современное отношение к ребенку, сложный комплекс механизмов его социализации — лишь относительно недавнее изобретение человечества.

Книга Ф. Арьеса, которого известный социолог И.С. Кон назвал «родоначальником современной истории детства» [5, с. 7] не утратила своей актуальности. Исследование французского ученого ценно и для педагогов и историков России, т.к. может служить ориентиром для написания отечественной истории детства.

Список литературы

1. Абрамсон, М. Супруги, их родные и близкие в южноитальянском городе Высокого Средневековья (X-XIII вв.) // Человек в кругу семьи. – М.: Б.и., 1996. – 101 с.
2. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. ун-т. – 1999. – 416 с.
3. Гуревич А.Я. Этнология и история в современной французской медиевистике // Советская этнография. – 1984. – № 5. – С. 36–48.
4. Зидер Р. Социальная история семьи в западной и Центральной Европе (конец XVIII-XX вв.). – М.: Владос, 1997. – 302 с.
5. Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). – М.: Наука. – 1988. – 271 с.
6. Потепалов Д.В. Виктимологические проблемы детства в Древней Руси и допетровской России (X-XVII вв.) // Педагогическое образование. – 2007. – № 1. Научное издание ГОУ ВПО УЗГПИУ – Екатеринбург. – 204 с. – С. 110–116.
7. Потепалов Д.В. Проблема беспризорности в Древней Руси и допетровской России // Проблемы модернизации педагогического образования: – Тезисы докладов межрегиональной научно-практической конференции. – Екатеринбург: Изд-во УРГПУ 2004. – 189 с. – С. 51–54.

УДК 316.75-053.2 (09)

Потепалов Д.В.
ФГАОУ ВПО РГППУ,
г. Екатеринбург

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ И ДЕТСТВУ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: в работе автор исследует особенности социализации и воспитания детей в средневековой Руси и России с позиции теории культурного социогенеза детства.

Ключевые слова: детство, детоубийство, воспитание.

Трудно предполагать, что в Древней Руси и допетровской России отношение к детству было иным, чем в Западной Европе. Никаких свидетельств обратного нет. В значительно менее, чем Западная Европа урбанизированной России, роль семьи в воспитании была определяющей. Советский социолог А.Г. Харчев писал: «Родители проявляли большую заботу о детях, но особой душевной близости между ними и детьми не было, так же как и между братьями и сестрами» [9, с.121].

Можно также предполагать, что взрослая часть общества дифференцировала детей по возрасту. Уже в Древней Руси появляются слова означающие возрастные группы: «дитя», т.е. тот, кто вскармливается грудью; «молодой» – ребенок 3–6 лет, воспитываемый матерью; «чадо» – 7–12 лет, начинающий обучаться; «отрок» – подросток 12–15 лет, проходящий специальное ученичество перед посвящением во взрослые члены рода или общины. Роль матери в деле воспитания детей была высока на протяжении всего периода взросления не только девочек, что понятно, но и мальчиков. Не случайно, на Руси человека, достигшего полной зрелости, называли словом «матерый», т.е. воспитанный матерью [5, с. 112].

Во всем остальном на Руси и в Московском государстве мы наблюдаем те же явления, что и в Западной Европе. В первую очередь обращает на себя внимание очень высокая детская смертность. Причем, если в передовых странах Западной Европы она с XVIII в. стала заметно сокращаться, то Россия в начале XX в. стала европейским «лидером» по детской смертности, о чем с огромной тревогой писали русские врачи. Так, в Германии, Австрии, Швеции, Франции в XVII–XVIII вв. общий коэффициент смертности составлял 25–28 на тысячу человек населения, в то время как в России даже в 1913 г. – 31 на тысячу.

Среди православного населения России, и в особенности среди русского населения до 1860-х гг., существовала самая расточительная, неэффективная, можно сказать, экстенсивная модель воспроизводства населения. Причина этого состояла в том, что у православных женщин до середины